

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА*

V.I. Startsev. Study of the History of October Today and Tomorrow. In his article, written in the late 1980s, the author summed up the studies in the history of the developments in the October of 1917 in the Russian historiography from the sixties right up to the second half of the eighties. The well-known researcher made an attempt to outline the main problems, which will still be vital on the next stage of the study on this item. The article highlights the issues, which have found controversial reflection in the historiography, such as the existence of objective political preconditions for seizure of power by the Bolsheviks, verification of facts and dates, role and significance of the political figures, periodisation and comprehension of the stages of the revolution.

Страсти, бушующие уже два года вокруг истории советского общества, особенно 1920–1940 гг., пока обошли период Октябрьской революции. Объясняется это, на мой взгляд, двумя причинами. Во-первых, застарелые искажения нашей истории второй половины двадцатых годов и последующих годов так вопиющи, что требуют к себе первоочередного внимания. Во-вторых, наша историческая наука все-таки успела многое сделать, восстанавливая историю Великого Октября, и ранее, особенно в период 1962–1968 гг. Первая причина носит временный характер: по мере расширения наших знаний о подлинной истории и роли тех или иных деятелей, партии и государства будет расти интерес к истокам, желание взглянуть в то, как все это начиналось. Свои соображения на этот счет я выскажу далее. А вот со второй причины хотелось бы начать этот обзор. Критика культа личности И.В. Сталина, начавшаяся после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде и постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «*О преодолении культа личности и его последствий*», началась на фоне стойкой концепции истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Эта концепция сложилась в 1938–1942 гг. и нашла свое отражение в «*Истории ВКП(б). Кратком курсе*» и втором томе «*Истории гражданской войны в СССР*». Так, в «*Кратком курсе*» говорилось, к примеру, о положении в партии в марте 1917 г. следующее:

«Каменев и некоторые работники московской организация, например, Рыков, Бубнов, Ногин стояли на полуменьшевистской позиции условной поддержки Временного правительства и политики оборонцев. Сталин, который только что вернулся из ссылки, Молотов и другие, вместе с большинством партии, отстаивали политику недоверия Временному правительству, выступали против оборончества и призывали к активной борьбе за мир, к борьбе против империалистической войны»¹.

В этой концепции далее говорилось о том, что вся партия, «за исключением нескольких одиночек типа Каменева, Рыкова, Пятакова», приняла Апрельские тезисы Ленина с огромным удовлетворением. Выделялся доклад Сталина на Апрельской конференции, перечислялись Каменев, Рыков, Зиновьев, Пятаков и Бухарин как враги позиции «Ленина и Сталина». Приводилась, скажем, цитата из статьи И.В. Сталина о предстоящей демонстрации 18 июня 1917 г., а статья В.И. Ленина, посвященная победе большевиков на этой демонстрации, даже не упоминалась. При рассказе о

* Эта работа была найдена среди неопубликованных рукописей В.И. Старцева.

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 176.

VI съезде РСДРП(б) учебник подчеркивал, что Ленин руководил работой съезда через своих «соратников и учеников в Петрограде: Сталина, Свердлова, Молотова, Орджоникидзе». Кратко пересказывались доклады Сталина на съезде, причем нигде не упоминалось, что в их основу был положен ленинский анализ изменений политического положения, назывались оппоненты Сталина Преображенский и Бухарин, а «съезд отверг поправки Преображенского и Бухарина и утвердил проект резолюции тов. Сталина». По вопросу о явке Ленина на суд утверждалось, что Каменев, Рыков, Троцкий и другие высказывались еще до съезда за явку, а Сталин решительно — против. Съезд пошел за ним. Каменев, Теодорович и Зиновьев выступали за участие в Предпарламенте, а «Ленин и Сталин» считали это ошибкой. 16 октября был избран партийный центр по руководству восстанием «во главе с тов. Сталиным». По указанию Сталина начались и вооруженные действия 24 октября по освобождению типографии «Рабочего пути». Вот вкратце теория двух вождей Октября «Краткого курса». Она была еще более расцвечена и беллетризирована во втором томе «Истории гражданской войны в СССР». Этот краткий ее конспект поможет нам при оценке и того, что было сделано, и того, что сделать еще предстоит.

Если посмотреть сегодня на литературу, вышедшую к 40-летию юбилею Великого Октября в 1957 г., то мы увидим, что теория двух вождей тогда была практически еще не поколеблена. Схема изложения материала и его оценка оставались прежними. Однако именно в эти годы закладывался фундамент для нового подхода. Была начата гигантская работа по выявлению и публикации исторических источников, как публиковавшихся ранее — в двадцатых и самом начале тридцатых годов, — так и не публиковавшихся ранее вообще. В 1957 г. вышли в свет два первых тома всесоюзной документальной серии «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы». За пять-шесть лет была создана целая библиотека сборников документов и материалов, позволившая гигантски расширить источниковедческую базу исследований по истории Великого Октября. Были переизданы материалы VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), Шестого съезда партии, протоколов ЦК РСДРП(б) августа 1917 — февраля 1918 г. Были переизданы в виде дополнительных томов к четвертому изданию сочинений В.И. Ленина, работы, не вошедшие в стандартные тома, вышедшие ранее, а затем начато издание Полного собрания сочинений В.И. Ленина. Все это позволило историкам в невиданных ранее масштабах развернуть исследования по истории революционных событий 1917 г. XXII съезд КПСС, с новой силой продолживший критику культа личности И.В. Сталина, стал дополнительным стимулом для этих исследований. Был, наконец, развенчан образ Сталина как второго вождя Октября, показано, что его деятельность была заметной, но отнюдь не исключительной на фоне работы других членов ЦК РСДРП(б)².

Примерно с 1962 г. стали появляться во все более увеличивающемся числе труды историков разных поколений, которые не только восстанавливали роль и значение деятельности В.И. Ленина как единственного вождя Октябрьской революции, но и старались объективно осветить ход всех событий 1917 г. в столицах и на местах, выделить их основные политические этапы. Одно перечисление этих работ заняло бы несколько страниц. Поэтому ограничимся лишь утверждением, что в 1962–1968 гг. была

² Подробнее см.: *Миц И.И.* В.И. Ленин и победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; *Фрайман А.Л.* О преодолении последствий культа личности Сталина в исследовании истории Октябрьского вооруженного восстания // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 7–34, 35–67.

создана новая концепция истории революционных событий 1917 г., в основном адекватная сложной политической борьбе этого уникального времени. Жизнь и деятельность В.И. Ленина, его роль в выработке плана социалистической революции в России, в 1917 г., внутрипартийное положение с марта по октябрь 1917 г., борьба, в том числе осенью этого года по вопросам о возможности вооруженного захвата власти большевиками — это стало главной темой многих исследований. Рассказывалось о конкретной работе большевистских организации в центре и на местах, о формировании и деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов, о солдатском и крестьянском движении, о роли рабочего класса как гегемона революции. Меньше был затронут лагерь противников социалистической революции, но и о нем приводился новый материал. А если подойти к событиям «хронологически», то можно назвать превосходные исследования по истории Февральской революции, апрельского и июльского кризисов, корниловщины и октябрьского восстания в Петрограде и Москве. Именно в 1962—1968 гг. был создан золотой фонд советских исследований по истории Великого Октября. И именно наличие этого фонда создает сейчас иллюзию, что «все сказано» и «на Шипке все спокойно». Между тем даже тогда сказано было еще далеко не все даже в историко-партийной сфере, а проблемы альтернативного развития роли мелкой буржуазии и буржуазии в событиях правительственной внутренней политики почти не затрагивались.

Между тем импульс, полученный исторической наукой в результате решений XX и XXII съездов КПСС, иссяк, а новые веяния действовали в противоположном направлении. С 1971 г. началось уже сознательное торможение исследований, попытки вернуться в изображении социально-экономической истории страны кануна революции и ее первых месяцев к вульгарным социологическим толкованиям тридцатых годов. Отход от завоеванных в шестидесятые годы ленинских оценок сопровождался гонениями на целый ряд талантливых ученых, проработочными кампаниями, административными мерами. Все это сказалось на историографии Октября уменьшением общего числа исследований, сокращением притока научной молодежи в «опасную и непопулярную» зону исследований. Последствия этого курса не изжиты до сих пор: они привели к кризису и развалу школ изучения Октябрьской революции как в Москве, так и в Ленинграде. И 60-летний юбилей Великого Октября дал мало новых работ и новых имен по сравнению с 50-летним юбилеем. Ряд крупных изданий были переизданы, оригинальных же, новых исследований становилось с каждым годом все меньше. С таким наследием мы подошли к 70-летию Великого Октября, которое проходило уже в новые времена, в эпоху разгоравшегося интереса к отечественной истории, гласности и демократизации советского общества. Как же обстановка эта затронула литературу по истории Октября последних трех-четырёх лет? Что отразила эта литература?

Начнем наш обзор с исследований, посвященных экономическим и политическим предпосылкам революционных событий 1917 г. в России. Среди них прежде всего надо выделить коллективную работу ленинградских историков «Кризис самодержавия в России»³. Фактически это первая «гражданская, история» нашей страны за 22 года царствования последнего императора, Николая, царствования, в которое уместилось целых две из трех российских революций. Комплексно исследованы экономическое развитие и социально-политический строй России на рубеже

³ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б., Дякин В.С., Потолов С.И.* Кризис самодержавия в России (1895—1917) / Под ред. Б.В. Ананьича, В.С. Дякина, А.Н. Цамутали, В.А. Шишкина. Л., 1984. 664 с.

XX столетия и в последующие годы, экономическая политика правительства, изучены все этапы политической надстройки, внутренняя политика царского правительства. Канун русской революции 1905–1907 гг., сама эта революция, ее политические последствия и нарастание новой революции в годы Первой мировой войны — впервые, получили достойное и обстоятельное отображение. Пожалуй, впервые в полный голос прозвучала тема политики правящих классов России. Реформы государственного строя 1905–1907 гг., столыпинская аграрная реформа рассмотрены не бегло, не только как торопливые шаги неизбежной революции, а сами по себе, во всем богатстве их содержания и многовариантности возможных последствий. Это серьезная работа, где история политического и экономического развития нашей страны за 22 года не подгонялась под революционные события 1917 г., а излагалась обстоятельно, факты оценивались и современниками событий, и историками. На фоне всеобщих криков о конформизме историков, о том, что в исторической науке все плохо, данная книга — пример скромной, но достойной профессиональной работы историков, где и сегодня, в эпоху гласности, ничего не надо изменять или переписывать. Выводы авторов исследования выглядят обоснованными и выведенными из фактического изложения. Так, в конце книги говорится:

«Важной особенностью кризиса самодержавия в России было то, что никогда за все время этого кризиса российская буржуазия не была главной силой в лагере противников царизма. Позднее развитие в XIX в., а в XX в. положение “класса, сжатого между самодержавием и пролетариатом”⁴ определили контрреволюционность буржуазии, ее тяготение к сделке и дележу власти с царизмом. Экономическая отсталость России и прежде всего нерешенность аграрного вопроса сужали ту массовую социальную базу, на которую буржуазный либерализм мог опираться в своем торге с царизмом до Февральской революции и которую он мог противопоставить революционно-демократическому союзу пролетариата и крестьянства после Февраля»⁵.

В этом выводе обращает на себя внимание не только его политическая сторона (слабость буржуазии, сила и организованность пролетариата), но и экономическая: авторы знают, что это лишь следствие экономической отсталости России, позднего развития буржуазии, нерешенности в рамках формирующегося капитализма аграрного вопроса. Между тем эти проблемы вот уже семьдесят с лишним лет волнуют историков-марксистов, пытающихся воссоздать картину экономики царской России, чтобы выяснить степень развития капиталистических отношений, а следовательно и степень объективных предпосылок социалистической революции в нашей стране. В огромной историографии данной научной и политической проблемы представлен весь спектр научных мнений: от признания России окраиной мировой капиталистической системы и полуколонией англо-франко-немецкого империализма до воспевания ее как самой развитой империалистической страны, в которой закономерно и по праву произошла социалистическая революция, ибо не произойти в России в связи со зрелостью объективных экономических предпосылок социализма она просто не могла.

Помочь оценить итоги историографических дискуссий и собственно исследований российского империализма за послевоенные годы, а особенно за последние тридцать лет призвана монография В.И. Бовыкина⁶.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 198.

⁵ Кризис самодержавия в России. С. 654.

⁶ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.

Автор прослеживает развитие взглядов советских историков на капиталистическую эволюцию аграрного строя в нашей стране, развитие промышленности и утверждение монополий, банков и финансового капитала. Он высказывает также свое мнение относительно характера и уровня российского капитализма, места нашей страны в мировой капиталистической системе и влияния войны на ускорение предпосылок революции. В наши дни плюрализма мнений книга В.И. Бовыкина обращает на себя внимание прежде всего верностью «старого мнения», тех концепций, которые с начала 1970-х гг. знаменовали собой наступление на «новопрочтенцев» произведений В.И. Ленина, на «новое направление» в изучении истории российского империализма. Когда-то и сам автор шел в одной шеренге с К.Н. Тарновским, П.В. Волобуевым и многими другими. Затем примкнул к тем, кто с нахрапистой энергией загонял историков в опостылевшее стойло, сработанное в 1930-е гг. И теперь в своей книге он с мстительной настойчивостью пытается внушить читателю, что в 1955 и 1956 гг. те же Волобуев и Тарновский пытались писать одно, были еще «сталинистами», потом в хрущевское время положили начало «новому направлению», а потом стали писать еще и третье. Книга В.И. Бовыкина за те же годы, что она писалась и готовилась к печати, безнадежно устарела. Она не сможет помешать выработке новых концепций истории российского империализма, оценке с высоты 70-летнего опыта строительства социализма в нашей стране уровня зрелости (а точнее сказать, незрелости) объективных экономических предпосылок для социализма и социалистической революции. Для последней вообще характерна была решающая роль политических предпосылок, сложившихся к октябрю 1917 г., а не объективных экономических, которые если и изменились с той поры, когда они были «экономическими предпосылками» февральской буржуазно-демократической революции, то в худшую сторону, в сторону разрухи, развала народного хозяйства и транспорта. Об этом прямо писал В.И. Ленин в своей статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», и трактовка В.И. Бовыкина того места статьи, где Ленин называет отсутствие у нас «объективных экономических предпосылок для социализма» «бесспорным положением», нисколько не убеждает внимательного читателя в обратном⁷.

А что же П.В. Волобуев, столь скрупулезно уличенный В.И. Бовыкиным в конъюнктурных изменениях своих взглядов? Снятый в 1974 г. с поста директора Института истории СССР под давлением консервативно-охранительных сил, сосланный в другой институт, чтобы он не имел возможности продолжать свои исследования, П.В. Волобуев не бросил изучать проблемы предпосылок Февраля и Октября. Он подошел к ним теперь с необычной стороны, где образовался стык ряда наук: истории, философии, политической экономии. Выбор путей обще-

С. 152. (Книга хронологически продолжает, а вернее, полемически отрицает многие выводы блестящего исследования К.Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (М., 1964 г.) и другие работы этого безвременно скончавшегося в 1987 г. талантливого историка капитализма в нашей стране.)

⁷ См. об этом: Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380–381; Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений... С. 23–25. Видимо понимая всю шаткость позиций В.И. Бовыкина, редакция на последней странице его монографии с сожалением признала, что в истекшем 1987 г. данные проблемы вновь привлекли к себе внимание историков и по ним высказываются «различные взгляды». «Издательство надеется, — говорится там далее, — что их всестороннее обсуждение в научной печати будет способствовать дальнейшему плодотворному изучению Великого Октября». Надежда эта, безусловно, оправдается, но при чем тут книга В.И. Бовыкина?

ственного развития — вот проблема, в которую вылились его искания, все более увлекая его и в изучение философских категорий, и в глубины XIX века, и в сугубо современный мир, где выбор путей общественного развития практически решается многими молодыми обществами и государствами. В 1987 г. П.В. Волобуеву удалось свести вместе все эти направления своего научного поиска в монографию⁸. К теме данного обзора имеют отношение вторая и третья главы данной книги, посвященные выбору прогрессивного пути развития в России в начале XX века и анализу социалистической альтернативы после победы буржуазной революции и буржуазного общественного строя в феврале 1917 г.

Вполне обоснованным выглядит вывод автора по проблеме в целом:

«Итак, историческая альтернатива — социализм или капитализм — окончательно сложилась в российской действительности в 1917 г. и отразила две возможности общественного развития, прямо противоположные по своему классовому содержанию и направленности. Но возможность перехода России на социалистический путь затухала такими реальными фактами, как материально-техническая и культурная отсталость страны, хозяйственная дезорганизация, недостаточная численность пролетариата при явном преобладании мелкобуржуазных крестьянских масс, не говоря уже о бытовавших тогда среди большей части социалистов догматических представлениях, будто только Западу уготовано открыть двери в социализм»⁹.

Конечно, прав В.И. Бовыкин, Волобуев писал и в 1955 и 1956 г. несколько иное. Но свыше тридцати лет прошло. И можно ли сравнивать написанные в строгих правилах начала 50-х годов статьи тридцатилетнего молодого ученого со зрелыми размышлениями, с итогом поиска, вобравшего в себя и трудную судьбу исследователя. А учитывая огромный вклад П.В. Волобуева в перестройку, в формирование нового исторического мышления нашего общества, ограничиться плоским злопыхательством по поводу противоречий в трудах ученого, отделенных друг от друга тридцатью годами, по меньшей мере странно.

Попытку объединить в едином исследовании изучение экономических и политических предпосылок второй русской революции сделали авторы второго тома коллективной монографии «*Исторический опыт трех российских революций*»¹⁰. Замысел этого труда родился давно. Я хорошо помню одно из совещаний в кабинете П.В. Волобуева в Институте истории в конце 1960-х гг., где и сторонники Волобуева, и его будущие хулители заинтересованно обсуждали захватывающую идею написания «*Истории трех русских революций*». После его изгнания из Института и победы «трапезниковской» мафии гора родила мышь в виде этого самого трехтомного «*Исторического опыта*», далеко уступавшего первоначальному замыслу. Тем не менее второй том благодаря усилиям его авторов, среди которых были такие видные исследователи, как А.Я. Грунт, И.А. Алуф, Г.З. Иоффе, И.М. Пушкарева, Г.Л. Соболев, К.Н. Тарновский, С.Л. Титаренко, С.В. Тютюкин, вышел еще не столь плохим, как третий.

Вместе с тем в вопросе об альтернативности исторического развития как ключевой для объяснения того, почему произошла социалистическая революция в Рос-

⁸ Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Исторический опыт трех российских революций. Книга вторая. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция. Редакционная коллегия: Титаренко С.Д. (руководитель), Алуф И.А., Бовыкин В.И., Блинов Н.В., Костин А.Ф., Шестаков С.В. М., 1986.

сии, книга в целом стоит ближе к десятилетиями устоявшейся концепции. Говорится, что буржуазия у власти «обнаружила свою полную неспособность решать назревшие исторические задачи», что «единственно возможная перспектива движения вперед — путь перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической»¹¹. Но эта перестраховочная тема не была главной для авторов книги. Они добросовестно, и на основе изучения многообразных источников, с использованием достижений советской историографии показали неизбежность второй революции в России (тут уж действительно никакой альтернативы этому не существовало!), влияние войны на развитие революционного кризиса в стране. Подробнее, чем в рядовой историко-партийной литературе, рассказывается о ходе революции в Петрограде и Москве, выделен вопрос о власти в качестве коренного вопроса революции, указаны особенности тактики большевиков в первые недели после переворота и ее изменение под влиянием ленинских идей. Хотелось бы в связи с этим заметить, что авторы правильно подчеркивают мысль Ленина о том, что Февральская революция кончилась 2–4 марта, образованием Временного правительства, отречением Николая II. Власть перешла из рук одного класса в руки другого, буржуазного. Нерешенность социально-экономических проблем, стоявших перед страной, не означала незавершенности революции. В связи с этим пора подвергнуть пересмотру еще одну непреложную догму: о том, что переход от февраля к октябрю 1917 г. представлял собой период «перерастания» буржуазно-демократической революции в социалистическую. В своих работах 1917 г. В.И. Ленин ни разу не употребил понятия перерастания. Он писал и говорил об этом в 1905 г. И имел в виду при этом только целенаправленную деятельность Временного революционного правительства после захвата власти пролетариатом и крестьянством в результате вооруженного восстания и свержения царского строя. В какой-то мере деятельность Совета народных комиссаров в ноябре 1917 — марте 1918 г. напоминала в области довершения задач буржуазно-демократической революции то, что Ленин понимал в 1905 г. под «перерастанием» буржуазно-демократической революции в социалистическую. Это слово применимо к политике власти, к «революции сверху». А в 1917 году? Революцию сверху тогда проделывало российское Временное правительство, и это могла быть только буржуазная революция. А большевики боролись за его удаление от власти и за то, чтобы совершить революцию социалистическую. Это была борьба, а не «перерастание», наводящее на мысль о естественно-научном процессе.

Среди исторической литературы последних лет две книги претендуют на то, чтобы показать еще раз ход подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в целом. Одна на широком, глобальном всероссийском материале, включая и первые месяцы Советской власти, другая — на материале только столицы, центра революции и за февраль-ноябрь 1917 г.¹² Первая — это третий том «Исторического опыта». Книга превосходно издана, выглядит солидно, охватывает, кажется, все вопросы истории революции. Но в целом по этой книге можно су-

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Исторический опыт трех российских революций. Книга третья. Коренной поворот в истории человечества. Великая Октябрьская социалистическая революция. Редакционная коллегия: Голуб П.А. (руководитель), Гапоненко Л.С., Куликов В.И., Минц И.И., Мухина Г.З., Наумов В.П., Совокин А.М. Коллектив авторов: Голуб П.А., Грошев И.И., Гусев К.В., Иванов Н.Я., Кораблев Ю.И., Косицын А. П., Лаверычев В.Я., Минаева Л.М., Мухина Г.З., Селунская В.М., Совокин А.М., Трукан Г.А. М., 1987; Питерские рабочие и Великий Октябрь. Авторы: Знаменский О.Н., Ильина Г.И., Кручкова В.М., Смирнов Н.Н., Соболев Г.Л., Старцев В.И., Черняев В.Ю. Л., 1987.

дить о том, насколько далеко мы продвинулись вперед от сталинских схем и насколько вновь приблизились к ним, судить о том, как свободное изучение событий величайшего перелома в истории человечества сдерживалось тем самым центром, который призван был вести это изучение вперед. Первое, о чем хочется сказать, это то, что книга решительно порывает с идеей о существовании трех лагерей в 1917 г. и возвращается к идее тридцатых годов о существовании только двух лагерей — пролетариата и буржуазной контрреволюции¹³. На той же странице авторы приводят цитату из статьи В.И. Ленина «Классовый сдвиг», напечатанной в «Правде» 10 июля (27 июня) 1917 г.: «Кадеты заняли место монархии, Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место действительно революционной демократии»¹⁴. Всякий, имеющий хоть три пальца на руке, насчитает ТРИ лагеря: кадеты, Церетели и Черновы, пролетарская демократия. А авторы говорят — нет, два!

Сразу вслед за ленинским утверждением о трех лагерях в середине 1917 г. авторы утверждают: «В результате в ходе развития революции в стране вместо трех политических лагерей, действовавших на ее буржуазно-демократическом этапе (монархический, либерально-буржуазный и революционно-демократический), образовались два основных политических лагеря — пролетарский лагерь революции и буржуазный лагерь контрреволюции»¹⁵. В Кратком курсе образование первого коалиционного правительства 6 мая расценивалось как «переход меньшевиков и эсеров в лагерь контрреволюции»¹⁶, а Ленин, как мы видели выше, и после этого, даже во второй половине июня 1917 г. насчитывал в стране три политических лагеря. Авторская позиция в этом главнейшем вопросе определила изложение материалов и по ряду других проблем (в частности, о возможности мирного развития революции в первой половине сентября 1917 г.). Для книги характерно также смазывание внутривнутрипартийных разногласий у большевиков, отказ от серьезного рассмотрения взглядов оппонентов Ленина, от допущения возможных альтернатив развития в 1917 г., от изучения политических планов теоретиков мелкобуржуазного лагеря. Несмотря на обилие в книге верного фактического материала, она останется в историографии навсегда высшим выражением доперестроечного направления в советской литературе, примером влияния застойных явлений 1970-х гг. на исследования истории Великого Октября.

Вторая из упомянутых выше книг не претендует на столь прямое изложение исторического опыта большевистской партии, но в ходе изложения огромного фактического материала этот опыт просматривается, пожалуй, более рельефно, а главное в большем приближении к истине. Особенно интересно изложение конкретной работы большевиков на петроградских предприятиях в дни Февральской революции, трех политических кризисов 1917 г., в ходе отпора корниловскому мятежу. Привлечением нового фактического материала о состоянии и политической активности питерского пролетариата, главной движущей силы социалистической революции, авторы внесли определенный вклад в развитие нашей историографии Октября¹⁷.

¹³ Исторический опыт... Книга третья. С. 63.

¹⁴ Ленин В.И. Классовый сдвиг // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 386.

¹⁵ Исторический опыт трех российских революций. Книга третья. Коренной поворот в истории человечества. М., 1987. С.63.

¹⁶ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 180. Сторонником точки зрения существования только двух лагерей особенно рьяно зарекомендовал себя Н.Я. Иванов, взгляды которого отразились на концепции третьей книги «Исторического опыта» во многих местах. Они в ряде случаев разделялись и И.И. Минцем.

¹⁷ Будучи одним из авторов данной книги, я воздержусь от более восторженной ее оценки.

Популярный очерк борьбы партии за массы, подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания выпустил в 1987 г. А.М. Совокин¹⁸. Его труды в конце 1950-х — начале 1970-х гг. внесли много нового в тогдашние представления. В частности, надо отметить анализ документов партийного совещания 13–14 июля 1917 г. в связи с вопросом о ленинском предложении снять лозунг «**Вся власть Советам!**», пионерскую роль А.М. Совокина в изучении и датировании группы ленинских рукописей начала и первой половины сентября 1917 г., в которых ставился вопрос о возвращении на короткое время возможности мирного развития революции. А.М. Совокин первый проанализировал документ, близкий к ленинскому протографу тезисов для VI съезда партии, недавно найденную рукопись «*Письма к товарищам*» В.И. Ленина от 16–17 октября 1917 г. В новой книге автор, опираясь на свои предшествующие труды, постарался обобщить опыт партийной работы в массах по всей стране. Однако изложение, скажем, ленинского плана вооруженного восстания ведется по старинке, затушевываются резкие разногласия между Лениным и большинством ЦК РСДРП(б), возникшие с середины сентября 1917 г. по вопросу о целесообразности восстания и его сроке. Доколе историки будут отдавать эту тему литераторам? Михаил Шатров в его очень интересной пьесе «*Дальше... дальше... дальше!*» относит эти разногласия прямо к 24 октября, а на самом деле они возникли в середине сентября 1917 г., а к 24 октября были в основном изжиты. А.М. Совокин не настаивает на том, что и ЦК и Ленин крайне осторожно относились к вопросу о выборе момента выступления¹⁹. Да уж куда осторожнее, если ЦК 15 сентября постановляет уничтожить 9 из 10 экземпляров каждого ленинского письма! А Ленин в них требовал начать восстание **НЕМЕДЛЕННО**, то есть в дни работы Демократического совещания.

В том же юбилейном 1987 г. вышла монография одного из самых интересных наших и острых историков Л.М. Спирина, посвященная борьбе политических партий в 1917 г.²⁰ И эту его книгу отличают публицистичность стиля, большое количество малоизвестного фактического материала. Это популярная история многопартийной системы в России как до Февральской революции, так и после нее. И все же даже в этой монографии мы не видим попытки разобраться в общих вопросах истории революционного времени, а характеристики деятелей партии даются в строгом соответствии с установками тридцатых годов, лишь немного подправленных в шестидесятые.

Хотелось бы назвать также монографии, вышедшие по истории тех или иных сторон истории революционных событий 1917 г. Так, Г.Л. Соболев опубликовал исследование о роли Петроградского гарнизона в борьбе за победу Октября, большой популярностью пользуется книга Г.З. Иоффе о судьбе романовской монархии и самой царской фамилии. Л.И. Семенникова написала критический очерк современной историографии борьбы партии за Октябрь²¹. Есть интересный опыт создания коллек-

¹⁸ *Совокин А.М.* Революция пролетарская, революция народная. М., 1987.

¹⁹ Там же. С. 221.

²⁰ *Спирин Л.М.* Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. Ряд сюжетов, аналогичных монографии Л.М. Спирина, был рассмотрен в краткой истории партии в России, выпущенной коллективом авторов под названием «*Непролетарские партии России. Урок истории*» (М., 1984). Главы по 1917 г. написаны там К.В. Гусевым, А.Л. Литвиновым, Б.А. Полушкиной, А.И. Разгоном. Книга подытожила целое направление изучения истории революции, сложившееся в 1960–1970-е гг.

²¹ *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985; *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987; *Семенникова Л.И.* Партия большевиков во главе Октябрьского вооруженного восстания (современная советская историография). М., 1988.

тивных монографий²². И все же в небольшом обзоре не упомянешь всего. К тому же одна из наших главных задач — заглянуть в завтрашний день исследований. Но прежде чем сделать это, еще несколько слов о популярных изданиях по истории революции, вышедших в последние годы. Среди них на первом месте назовем энциклопедию «*Великая Октябрьская социалистическая революция*». Еще в 1967 г. вышла «маленькая энциклопедия» под таким названием. Объем ее был всего 37 печатных листов. И это было событие! Многое из того нового, что знаменовало собой отказ от теории двух вождей и новый взгляд на историю Октября, успело войти в эту книжицу, исполненную оптимизма и даже какого-то задора. В 1977 г. вышла уже солидная энциклопедия, насчитывавшая свыше 80 листов. Она была лучше издана, содержала цветные вкладки, внешне была привлекательней первого издания. Теперь мы имеем уже третье. Это настоящий солидный том — 120 листов. С фактической стороны — гигантское увеличение, много совсем новых статей. Но отметить можно и то, что в этой книге появились первые ласточки гласности: краткие биографические справки о Л.Д. Троцком, Г.Е. Зиновьеве, Л.Б. Каменеве и некоторых других. Как справочное издание новая энциклопедия, конечно, выполняет свою задачу, что же касается общих и теоретических вопросов, то она лишь отражает усредненный невысокий уровень нашей исторической науки. То же стремление не поднимать острых вопросов в популярной литературе проявилось и в книге «*Октябрьская революция*», изданной Политиздатом, хотя среди ее авторов мы видим замечательных историков Ю.И. Кораблева, А.Я. Грунта, Г.З. Иоффе, В.И. Миллера и других²³. Но как опыт нового подхода к изданию популярной книги об Октябре книгу эту можно приветствовать.

К сожалению, в юбилейном «вале», особенно среди научно-популярных книг, были и неудачные опыты, есть и случаи откровенной халтуры. Именно так можно оценить выпущенную Политиздатом книгу «*ученого-историка профессора В.М. Мироненко*» (как о нем говорится в аннотации) «*Штурм века*» (От февраля к октябрю 1917 г.)²⁴. Историографам Октября такой ученый неизвестен. Так, в указателе к только что вышедшей историографической работе Я.И. Семенниковой значится почти триста фамилий историков Октября, и В.М. Мироненко там нет. Автор скомпилировал свой «штурм» из кусков работ других историков, сметал свой очерк, даже не вытащив белые нитки примерок. Меня как человека, более двадцати лет изучавшего штурм Зимнего дворца, чуть не хватил удар, когда я прочитал: «В 1 час. 30 минут балтийские моряки заняли “Галерею 1812 года”. Отряды матросов, красногвардейцев и солдат, успешно преодолевая уже неорганизованное сопротивление осажденных, сплошным потоком устремились по многочисленным лестницам Зимнего». Такой чепухи не печаталось с 1937—1939 гг., когда И.И. Минц в одной из своих опубликованных популярных лекций рассказывал, как матросы, ворвавшись в галерею 1812 г., увидели конный портрет Александра I, закричали «Кавалерия!» и забросали его гранатами! К сведению читателей: Галерея 1812 года находится в восточном крыле дворца, а Временное правительство сидело в северо-восточном. Сама галерея была перегороджена и закрыта, так как находилась на территории госпиталя Зимнего дворца. К штурму не имела никакого отношения. Сам он велся не по многочисленным лестницам, а по одной, названной в честь этого события затем «*Октябрьской*». Такой же клюквой, происходящей из неумения крити-

²² См., напр.: Великий Октябрь и защита его завоеваний. М., 1987. Т. 1-2.

²³ Октябрьская революция: Вопросы и ответы / Сост. Ю.И. Кораблев. М., 1987.

²⁴ *Мироненко В.М.* Штурм века. (От февраля к октябрю 1917 г.) Ни фамилии редактора, ни рецензентов не указано. Я указываю фамилию заведующего редакцией, повинного в выпуске этой халтуры: А.В. Никольский.

чески оценить исторические источники и пользоваться уже вышедшей литературой, посыпан весь труд нашего историка-ученого в кавычках.

Какие же уроки мы можем извлечь из рассмотрения вышедшей в самые последние годы литературы? Надо прямо признать, что лишь отдельные книги не только из последних 3–4 лет, но и за весь период после 1956 г. приближаются к тому уровню, на который сегодня вышли общественные запросы, могут служить выработке нового исторического мышления. В большинстве воспроизводится дефектная схема истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, из которой, правда, удалена, теория «двух вождей» Октября, но сохранены все другие деформации. Так многие сталинские определения и оценки 1925–1931 гг. все еще сохраняются в литературе, хотя и не содержат прямых ссылок на их автора. Добавим к этому все уменьшающееся количество публикуемых впервые исторических источников, сокращение плановых исследований по истории Октября в Институте истории СССР АН СССР, фактическое уничтожение соответствующих подразделений по изучению истории Октября как в Ленинграде, так, по сути дела, и в Москве. Так что не все спокойно «в Датском королевстве».

Достигнутый за последние два года уровень гласности и демократизации нашего общества, прямой призыв руководителей партии к общественникам к стиранию белых пятен в нашей истории и населению ее именами людей, которые действительно боролись за победу революции и строительство социализма, — все это диктует и расширение тематики, и пересмотр многих сложившихся и заострившихся стереотипов. Полная государственная и партийная реабилитация Бухарина, Рыкова, Томского, судебная реабилитация Каменева и Зиновьева, более объективный подход к Троцкому, проявленный уже нашей публицистикой, требуют нового исторического взгляда на функционирование партийного руководства в 1917 г.

Вспомним, что, скажем, на VI съезде РСДРП(б) в состав ЦК были избраны 21 член и 10 кандидатов. Но кого мы видим на картине В.А. Серова «В.И. Ленин провозглашает Советскую власть», вынесенной на обложку третьего тома «Исторического опыта»? Только В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского и Я.М. Свердлова. Трех человек из 31. Все остальные все еще ходят в нашей опубликованной литературе по истории Октября в изменниках и предателях, оппортунистах и врагах. Требуется не только фактическое исправление намеренных умолчаний и искажений, но и анализ взглядов, платформ, статей и устных выступлений. При этом никто не призывает к забвению штрейкбрехерского поведения Г.В. Зиновьева и Л.Б. Каменева накануне Октября, к затушевыванию разногласий Л.Д. Троцкого с В.И. Лениным в эти же дни. Но мы раньше только это и говорили, а теперь же можно и нужно оказать и о том положительном вкладе в общую копилку партийного опыта, о своей доле в подготовку Октября, которую внесли и вышеназванные вожди большевиков в 1917 г. Нужно изгнать фатализм из наших теоретических рассуждений: да, существовали объективные предпосылки для осуществления социалистической альтернативы обычному, то есть капиталистическому пути в России после свержения самодержавия в феврале 1917 г. Но это была лишь возможность. Вероятным же было капиталистическое развитие страны. Никакие объективные предпосылки не могли автоматически «с неизбежностью», «с необходимостью» и пр. привести к социалистической революции. Низкая зрелость объективных экономических предпосылок не обеспечивала сама по себе ее победы. Только образование к осени 1917 г. объективных политических предпосылок создавало теперь возможность захвата власти партией пролетариата. И только от ее смелости, решимости ее лидеров, готовности к борьбе партийных масс и беспартийных рабочих и солдат, находившихся уже под ее политическим влиянием, зависела реализация данной возможности, превращение ее в

Изучение истории Октября сегодня и завтра

реальность. К счастью для нашей партии, ее возглавлял такой человек, который имел не только способности для теоретического анализа, но достаточно смелости, чтобы взять на себя ответственность за исторические судьбы страны. Он убедил большинство ЦК в своей правоте и сумел доказать несостоятельность политического анализа своих оппонентов. Он заразил своей смелостью и решимостью большинство членов ЦК РСДРП(б). И они использовали данный исторический шанс, который вообще-то существовал на краткий исторический миг. Всего, может быть, несколько недель, в ходе которых изменчивая равнодействующая суммы политических условий в стране могла бесповоротно измениться в пользу контрреволюционного правого лагеря.

Наконец, напряженная творческая работа требуется и в установлении того, «**тот ли социализм мы построили**». Нужно тщательно проанализировать взгляды на социализм В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, других большевиков, и даже эсеров и меньшевиков. И с этих позиций сравнить эти дооктябрьские взгляды с практикой социалистического строительства эпохи ноября 1917 — марта 1921 г.

Ну, и остается бездна черновой исторической работы, часть которой мы успели выполнить в 1962—1968 гг.: публикации источников, уточнение фактов и дат, написание биографий политических деятелей, периодизация, осмысление этапов революции. Правомерно ли, например, считать днями Октябрьской революции (даже в Петрограде) только 24 и 25 октября 1917 г.? Недаром даже Джон Рид говорил о 10 днях. Да, центральное правительство, Совет народных комиссаров, Второй Всероссийский съезд Советов утвердил в ночь на 27 октября. Но в тот же день Керенский и Краснов захватили Гатчину. 29-го вспыхнул мятеж юнкеров. ЦК РСДРП(б) под угрозой всероссийской железнодорожной стачки пошел на переговоры о сдаче власти «однородному социалистическому правительству». А во второй столице тоже то шла вооруженная борьба, то заключалось перемирие, пока в Петрограде не договорятся о создании новой власти. Только 4 ноября позади были и разгром мятежей, и взятие Кремля, и разрыв со сторонниками сдачи власти в ЦК и СНК. Конечно, в ходе самой революции нужно было для создания морального ее перевеса говорить, что 27 октября социалистическая революция уже победила, но сегодня-то, объективно оценивая события в их взаимосвязи, мы видим, что победа эта пришла только 4 ноября, когда ЦИК, отвергнув претензии капитулянтов, поручил Ленину заполнить освободившиеся посты в правительстве новыми кандидатами.

Да и вообще, вплоть до самого введения НЭП, что это было в нашей истории, как не сплошная революция, как не попытка штурмом решить не только задачи социалистического строительства, но и коммунистического. А переходный период к социализму начался по сути только в 1921 г. Сегодня, перестройкой, после апреля 1985 г. мы начинаем его во второй раз. И может быть, опыт Октября, изученный с новых позиций, будет нам в чем-то важным подспорьем.